

Вдыхая свежий утренний воздух, я наслаждаюсь вновь обретенной свободой, хаотично двигаясь по полю боя, наконец-то я снова в своей стихии. Мой третий день на войне, и я чувствую себя так хорошо, находясь посреди хаоса, мои ноги на земле, меч в моей руке, диссонирующие звуки и металлические запахи льющейся крови, вдохновляют меня, моя усталость проходит. Гораздо проще сражаться, чем думать о вопросах, на которые у меня нет ответов. Так много гребанных вопросов и нотаций: "как дела?", "ты хочешь поговорить?", "ты не должен убегать в одиночестве", - и все это надоедает мне. Ян и Мила - худшие из всех, и Альсансет присоединяется к ним после того, как она выполняет все свои обязанности. Если бы она не была старшим капитаном, она бы никогда не оставила меня в покое. К счастью, нескольких пожатий плечами и долгого молчания достаточно, чтобы пройти через все это, без всяких объяснений.

Мой меч бьет врага в лицо, удар уничтожает его, так как раскалывает его череп на две грязные половины. У меня были проблемы с "Оттачиванием" в последнее время, но кому какое дело? Достаточно сильно ударить, и они все равно умрут. С достаточно острым мечом они едва могут почувствовать его, он прорезает их плоть, только после того, как они почувствуют боль и умрут от нее. Совсем не весело. С тупым мечом я получаю удовлетворение, чувствую плоть, которую разрезаю и кости, которые дробятся под натиском моего меча. На самом деле мне больше нравится это ощущение резаной плоти, соленые брызги теплой крови на лице, прилив адреналина в венах. Это так невероятно, и у меня наконец-то есть время оценить свои бои. Нет, не улыбайся так сильно, слишком подозрительно. Не счастливый, не злой, просто делающий свою работу.

Раньше я так нервничал во время боя, беспокоился о смерти, получал так много травм, потому что страх мешал мне двигаться достаточно быстро, чтобы заблокировать или уклониться. А теперь? Каким-то образом я просто инстинктивно знаю, что собирается сделать мой противник, и мое тело реагирует соответствующим образом. Даже я не знаю, что произойдет, это как смотреть на мир чужими глазами. Я не быстрее, чем раньше, но раньше было так много нерешительности и колебаний, которые замедляли меня, а теперь все прошло. Я сражаюсь и получаю только незначительные травмы, а не истекаю кровью за каждое убийство.

Как и сейчас, я знаю, что этот уродливый ублюдок - Оскверненный собирается сделать прием, когда он на самом деле хочет ударить, но все это не имеет значения. Мой меч разорвал его грудь прежде, чем он успел ударить, на его умирающем лице появилось выражение недоверия, и мое тело уже движется вперед, чтобы снова убить. Не нужно бояться, он просто притворяется, как меня учил Даген. Уверенность - вот ключ к успеху. Убить или быть убитым, и я продолжал сосредотачиваться на части "быть убитым". Бойтесь смерти, и вы, скорее всего, умрете. Иронично. Правильно ли я понял все? Да мне плевать.

Сражаться теперь чертовски легко. Смехотворно, то как я был пуглив, и вот я посреди войны, спокоен, насколько это только возможно, едва вспотев. Ну, не совсем, я уверен, что потею, но все так легко. Я мог бы просто отключить свой мозг, если бы захотел, или сосредоточиться на чем угодно, например, на том, как одно облако выглядит как лошадь, а другое как кролик, и мое тело продолжает двигаться по полю боя, как будто я делал это всю свою жизнь. Я нашел свой момент, когда говорят "я знаю Кунг-Фу", за исключением того, что я действительно не знаю, как я это делаю. Большинство движений, которые я делаю, сбивают меня с толку, когда я пытаюсь вновь воспроизвести их, но кого это волнует? Я потратил годы времени и усилий, пытаюсь понять каждый нюанс моих движений, и это ни к чему не привело, но всего за три дня войны я чувствую себя намного сильнее, это невероятно. Вот, как я должен был учиться, просто освобождать свой разум, убраться с моего собственного пути, теперь мне все стало

ясно.

Аналитическое мышление, научная мышление, рациональное мышление - все это не соответствует действительности здесь, где все мистическое и магическое. Вероятно, это просто движения, скрытые в Формах, и теперь, когда я убрал свой глупый мозг с пути, я могу, наконец, использовать их так, как они были предназначены. Я бы предпочел знать, что я делаю, это просто... удовлетворило бы меня. Например, когда я узнал об атаке Аканай, это был невероятный кайф, знание того, как выполнить такой разрушительный удар, волнение от первого испытания, удовлетворение после моего успеха. Мне все еще нужно название для этого движения, сочетание Баланса на Ветреном Листе и Пронзающий Горизонт. Одна форма богомола, одна форма оленя. Богомол Пронзающий Ветренный Лист. Нет, это не сработает. Олень Балансирующий на Горизонте. Нет, это еще хуже. Какая разница, мне не нужно ничего называть. Старому мне требовались названия, чтобы помнить и знать, что делать. Новому мне не требовалось помнить, потому что новый я может делать все, что угодно.

Пока я размышляю о старых атаках, мое тело прыгает вперед и врезается во врага, мой меч врезается в него, когда мы сталкиваемся, я сбиваю его на землю. Быстро топая, я двигаюсь дальше, размахивая своим оружием, вверх - вниз, слева - направо. Думаю, это Трепещущие Капли Дождя. Или, может, Потрясающие Сухожилия. Сцепив клинки с другим Оскверненным, мой меч вылетает, металл звенит о кости и посылает оружие нападавшего в полет вместе с все еще прикрепленной рукой. Рассекая его от плеча до грудины, я оставляю его умирать в грязи и ищу следующую жертву. Это были Танцы в Траве, я уверен на 100%.

А может, это был Ответный Укус.

Захватывающие Когти? Черт возьми, это расстраивает, почему я не знаю? Нет, мне не нужно этого знать. Сделав шаг вперед, я останавливаюсь и смотрю на умирающего на земле, и наклоняюсь, чтобы положить конец его страданиям. Пустая трата времени, я должен бороться.

Несколько человек много хвалили меня в последнее время, в основном это были Фунг и Мен Джао. Я не разговаривал с Аканай, которая была занят... генерализацией? Командованием. Она была занята командованием армией, и Альсансет наполовину хвалит, наполовину беспокоится, когда говорит со мной. Все остальные, кажется, игнорируют меня, восхваляя Хуушала до небес, называя его следующим героем деревни. Это чушь собачья, это должен быть я. Как бы то ни было, я делаю это не для признания, я здесь убиваю, потому что мне это нравится. Нет, я здесь, потому что ... из-за детей. Вот почему я здесь сражаюсь, потому что Оскверненные - монстры.

Что-то здесь не так, я просто ... чувствую это. Я помню сцену, тела, кровь, запах, но ... меня это больше не волнует. Это не правильно. После этой битвы, я думаю, я вернусь к основам, выясню, как я сражаюсь, возможно, задам себе несколько сложных вопросов. Это не повредит, плюс Фунг любит задавать мне вопросы о том, как я это делаю, и становится трудно скрывать, то как я это все делаю. Я просто не могу продолжать извергать магические действия и не знать ответы, не могу больше говорить себе "сконцентрируйся и спроси позже". Почему я вообще притворяюсь, что знаю? Может, мне просто сказать ему? Разве не все так учатся? Разве я не должен спросить кого-нибудь-

Булава сбивает с меня шлем, который отскакивает от головы и отправляет меня грязь, а ярость нарастает. Глядя на своего противника, я рычу на него, когда он поднимает оружие для завершающего удара. Этот ублюдок умрет медленно. Схватившись за него, я поднимаюсь и бью его в заднюю часть колен, и он падает на землю. Ударив ногой ему в живот, я выхватываю его оружие из его руки, обычную, грубую костяную булаву, даже не духовное оружие. За то, что

этот маленький Оскверненный червяк осмелился ударить меня, он заслуживает боли и наказания. Воткнув меч в его плечо, он вонзается в него и прижимает к Земле. Медленно поднимая булаву над головой, обеими руками держа оружие, я лениво опускаю ее на одно колено, наслаждаясь криками жертвы. Второй удар, этот в бедро, и я слышу звук ломающихся костей - музыка для моих ушей. Я продолжаю сыпать на него удары дождем, сосредотачиваясь на его ногах и бедрах, методично ломая кости, шаг за шагом, чтобы боль была все сильнее. После дюжины ударов его ноги разбиваются вдребезги, его крики давно превратились в нечеловеческие стоны, напоминающие крики Гортана так много лет назад. Я позволил этой глупой свинье умереть слишком легко тогда, я должен был держать его живым в течение многих лет, пытаться его, как он пытал меня. Было бы неплохо немного посмеяться.

Стоя высоко, я смотрю на Оскверненных и солдат, которые были свидетелями моей мести, действовали как бесполезный, праздный корм, которым они на самом деле и являются. Ленивые ублюдки, стоящие вокруг, пока я убиваю. "Какого черта вы смотрите? Убейте их всех!" Я с силой обрушиваю булаву на голову жертвы, дарю ей последнюю милость, когда солдаты с новой силой бросаются вперед. Красный кратер, который раньше был лицом, смотрит на меня, пока я падаю на колени и тянусь к мечу, как будто обвиняя меня в том, что я слишком дикий, слишком жестокий, но это война. Здесь нет места слабости. Он был Оскверненным воином, и он поступил бы хуже, возможно, поступил бы хуже. Я сделала миру одолжение. Блин, не будь размазней, Рейн. Просто дерись.

Пытаясь встать, мое тело отказывается от моих указаний, у меня не осталось энергии, я задыхаюсь в изнеможении, стоя на коленях рядом с моей последней жертвой, почти как если бы я оплакивал его. У него нет глаз, чтобы смотреть на меня, пока я сплю, нет взгляда, чтобы обвинить меня в моих преступлениях, так что это плюс. Даже после того, как я сражался весь день, как-то в конце ночи, я все еще слишком взволнован, чтобы уснуть больше, чем на несколько часов, и это никогда не получалось нормально отдохнуть, все время... кошмары, я знаю что они есть, но никогда их не помню. Я просто просыпаюсь, весь в поту, с пересохшим ртом и обессиленный. Мне нужно что-то, чтобы отвлечься от этого, например, секс, алкоголь или наркотики, но здесь небезопасно, когда на меня могут напасть в любой момент.

После истощения приходит момент ясности. Со мной что-то не так, но я понятия не имею, как это исправить, даже не знаю, с чего начать. Черт возьми, я не могу сейчас с этим смириться. По крайней мере, в бою у меня есть энергия, у меня есть мишень, у меня есть цель. Отбросив все свои мысли и страхи, я кричу в воздух, позволяя своему гневу нарастать, прежде чем я встану и побегу к вражеским линиям, прокладывая себе путь через солдат, чтобы снова сражаться, потерять себя в радости битвы. Довольно скоро я чувствую другого Чемпиона, пульсирующий пульс их Духовного Оружия притягивает меня к ним, как маяк на поле. Я понятия не имею, как именно я их чувствую, но это наполняет меня волнением, когда я убиваю всех на пути к следующей жертве. Он будет моей пятой жертвой, мой второй Чемпион сегодня. Я должен начать вести подсчет или брать трофеи с моих убийств. Я должен оставить их оружие. Нет, это глупо, их оружие грубое, уродливое и тяжелое. Зачем мне вообще это нужно? Черт, почему все так чешется?

Заметив своего противника, мои глаза встретились с его глазами, и я шагнул вперед, уверенный в своей победе. Вот кем я должен быть, Мстителем, разрушителем, отнимающим жизни. Война - вот для чего я здесь, кровь и месть - моя награда. Все остальное не имеет значения, только то, что я продолжаю убивать своих врагов, пока не прогоню их со своей Родины.

Вивек Даатей терпеливо ждал, прислушиваясь к музыкальным звукам земли, зная, что его враги скоро ослабят бдительность. Высокие, тонкие деревья этой земли были больше, чем просто гиганты, на которых можно было смотреть, они были также кормом и кровом. Его соплеменники выстроились вокруг него, прячась за верхушками деревьев, в то время как остальные уводили Гароса, увлекая своих глупых преследователей в веселую погоню. Это были часы молчаливого ожидания, сидя в мрачных ветвях и зная, что смерть должна быть близка, но что такое жизнь, как не ожидание смерти? Они трудились каждый день, задерживая свой последний вздох, когда это было возможно, но это было всего лишь, задержка. Можно было бороться изо всех сил, но смерть все равно наступала, чаще всего, когда ее меньше всего ожидали.

Двадцатиметровый подъем на верхушки деревьев был более трудным, чем можно было себе представить, и Вивеку пришлось приказать большей части своих войск уйти, прежде чем южане пронюхали о его плане. Меньше четырех тысяч сидели с ним, спрятавшись в листьях, и молча ждали, но этого было более чем достаточно для успеха его плана. Луна была высоко и светло ярко, видимая с его насеста, но как только они спустятся, его соплеменники будут окутаны тьмой, как выгодной, так и вредной. Не было лучшего плана, чем этот, и необходимо принять меры. Для него не характерно было быть добычей, и сегодня он покажет своим преследователям свои клыки.

Наступило назначенное время, и он двинулся вместе со своими соплеменниками, тихо спускаясь по наспех сделанным веревкам, сплетенным из густой травы, которая росла повсюду. Прибыв на землю, его соплеменники тихо двинулись через лес, путь впереди запомнился во время их полета, недели жизни здесь научили их, как лучше выжить. Он схватил свое оружие - клинок служил ему столько, сколько он себя помнил, - подарок, полученный от отца, который был слишком слаб, чтобы удержать его. Сила его предков лежала внутри него, кровь поколений скапливалась в заостренном кончике, наполняя его своей силой, когда он в ней нуждался. Сегодня он будет пить его кровь и кровь его врагов, становясь все сильнее, пока он будет владеть им. Когда Вивек взял оружие, оно не было таким блестящим или сильным, но последние годы непрерывных сражений превратили оружие, уже не в простой костяной меч, а деформированное лезвие, крючковатое и шиповатое, острое как бритва и тяжелое, он был длинным и светился белизной. Страшное оружие, оно послужит ему еще раз.

Они двигались группами, одна шла впереди, а другая ждала, на случай тревоги или Стражей. Если его народ обнаружат слишком рано, по крайней мере, он сможет спасти большинство, чтобы сражаться в другой день. Его предки убеждали его идти вперед, говоря, чтобы он забыл про потери и начал проливать кровь, но он игнорировал их, привык. Они были мертвыми, и мертвые не боялись смерти, но они не имели над ним власти. Только жизнь имела значение. Он медленно прокрался на земли, где были замечены палатки, слабые южане не хотели спать под деревьями, нуждаясь в укрытии в этой мягкой земле. Каждый шаг Вивека был готов к крику стражника, к тому, что кто-то выдаст его позицию, к тому, что Страж заметит их, но они продолжали идти вперед без остановки и инцидентов. Возможно, отец действительно смотрел на него, но Вивеку было все равно. Его сила была его собственной, и он не нуждался в Боге, который заботился бы о нем.

Несмотря на все трудности, Вивек и его соплеменники вскоре заняли позиции, готовые напасть на южан. Он встал на краю леса, его воины остались далеко позади, каждый знал, что нужно сделать, каждый полностью доверял его приказам. Вивек провел их через бесчисленные битвы, больше, чем любой военный всадник до него, и их народ процветал под его руководством. Они потеряли соплеменников, чтобы добраться сюда, но земля перед ними была плоской и травянистой, луна светила на них слишком ярко для скрытной атаки. У лагеря стояла шеренга сторожей, освещенные согревающим их костром. Еще один глупый поступок,

так как свет позволял Вивеку с легкостью посчитать каждого стражника. Этим южанам не хватало стойкости его соплеменников, они нуждались в убежище, несмотря на теплый воздух, который был вокруг. Еще глупее оставаться так близко к лагерю, их сторожа бесполезны, но на несколько секунд задержат. Он улыбнулся про себя, проверяя, нет ли ловушек, но все было хорошо, вражеский командир слепой дурак.

Прижавшись животом к Земле, Вивек полз по высокой траве, и его соплеменники последовали его примеру. Он не спешил, ночь только начиналась. Он двигался медленно, расстояние, которое он проходил было равно длине пальцев, делая все возможное, чтобы приблизить своих воинов до того, как прозвучит тревога. Луна двигалась по небу быстрее, чем его соплеменники по полю, и он продолжал ползти, его воины следовали за ним. Они ползли по замерзшим землям, изрезанным зубчатым льдом, их кровь замерзала на земле, их кожа шелушилась, когда они двигались в полной тишине, и для них это было ничто иное как только мягкая грязь и гладкие камни. Эта земля была слишком добра к своему народу, и Вивек намеревался остаться и растить здесь десятки толстых детей с кучей жен. Ни один южанин не заставит его уйти.

Луна еще не села, когда он прибыл на край поля, лагерь менее чем в пятидесяти метрах. Ухмыляясь про себя, он медленно отдышал, лежа ничком, ожидая прибытия своих соплеменников и также подготавливаясь. Он шпионил за стражниками, пока они сонно зевали, сладкий предрассветный час убаюкивал их ложной безопасностью, Солнце скоро взойдет, а их пост почти закончился. Мало ли они понимали, что такова и их жизнь. Наконец, он поддался непрекращающимся крикам предков и приготовился к нападению.

Схватив свой клинок, чувствуя, как колючки его оружия впиваются в его плоть, он призвал силу своих предков, силу своей крови. Сила и гнев хлынули через него, раздражая его кожу и воодушевляя его, когда мрак рассеялся, его зрение стало острее, более четким, его ярость росла, когда он рвался вперед, крича свой боевой клич. Отрубив головы одним взмахом, он почувствовал, как кровавые жертвоприношения укрепляют его клинок, а в свою очередь, и его предков. Его соплеменники пронеслись рядами, убивая солдат десятками, крича от ярости. Теперь это была их земля, их дом, и никто не мог сказать иначе.

Отдав свое тело духам своих предков, Вивек сражался, его оружие было более искусным, его шаги более устойчивыми, когда они вели его. Его тело двигалось без раздумий, бросаясь навстречу каждому новому противнику, пока Вивек изучал движения. Бесчисленные поколения сражались таким образом, учась под руководством почитаемых духов, до тех пор, пока они больше не нуждались в руководстве. Они говорили с ним, говорили ему убивать и калечить, становиться могущественным, достаточно могущественным, чтобы убить любого, кто прогонит его, и он полностью отдался им, кровопролитию.

Вивек в течение нескольких минут беспрепятственно пробирался сквозь полусонных солдат, рубя и сокрушая всех, кто приближался, полуодетых и ужасно вооруженных солдат. Это была детская забава, смехотворная, что эти креветочные солдаты имели наглость охотиться на него. Он должен был просто привести сюда своих всадников и сокрушить их, если бы знал, насколько они слабы. Солдаты начали разбегаться перед ним, когда он приблизился, смеясь он проливал кровь и кишки через равнины, жертва землям, его сильным предкам, эти никчемные солдаты.

Бардиш свалился на него, заблокированный его клинком, духи руководили им. Удар заставил его отступить, и Вивек обрадовался! Наконец, солдат, достойный называться врагом, достойный умереть от мастерства своих предков. Украшенный доспехами, говорящими о том, что он воин, этот новый враг, с самодовольным, превосходящим взглядом и ненавистным

лицом, атаковал Вивека сильнее, чем любой, кого он встречал в южных землях. Возможно, не все южане были слабы. Опираясь на свою кровь, он двинулся вперед, скорость и сила росли, когда он атаковал. Глядя на свое оружие и надушенного содата, он ухмыльнулся в лицо противника, наслаждаясь вызовом. Закусив губу, Вивек подхватил оружие поближе и плюнул кровью в лицо воина, наслаждаясь криками, вызванными зеленой жидкостью, сжигающей плоть человека. У предков было много трюков, чего он никогда раньше не делал, он превратил свою кровь в кислоту. Подняв меч, он наблюдал, как его рука опустилась для последнего удара.

Он разрезал плоть и кости, отрубив руку, его противника спас еще один солдат. Новый враг, которого нужно убить, этот сражался мечом и щитом, не так искусно, но гораздо мощнее. С каждым ударом Вивек чувствовал, как сотрясаются его кости, как дрожат его мышцы, когда он сопротивлялся этому свирепому воину. Солдат отчаянно боролся с ним, восполняя недостаток мастерства силой, заставляя Вивека отступить, даже с помощью и руководством его предков. Хорошо, хорошо, более достойные жертвы, больше крови, которую можно пролить, чтобы усилить его клинок.

Его люди были дома, и он убьет любого, кто попытается забрать его у них.

<http://tl.rulate.ru/book/591/77829>